

ШКОЛА И РЕВОЛЮЦИЯ

Величайшее благодеяние представляет собой революция для человеческого сознания, потому что она проясняет его, что она открывает ему его жизнь, что она и есть исполнение, осуществление человеческой совести.

Давным-давно мудро сказано, что «мир¹ лежит во зле». Никто не сказал бы кроме глупых и бесчестных людей, что в так называемых цивилизованных государствах люди жили и живут жизнью праведною.

Хуже того – не так давно была высказана мысль – что эта, так называемая, цивилизация, окружила нас условиями такими неправедными, противоречиями такими бессовестными, что одно² название для этой жизни – «сумасшедший дом». Мы родимся не только *окруженные* этими условиями и противоречиями, но *проникнутые*³ ими по наследству, - в особенности, если мы принадлежим к привилегированным классам, и чем привилегированнее, тем, конечно, хуже!

Мы родимся, можно сказать, с отравленной кровью, которую надо обезвреживать съязмальства. Сентиментализм 18-го века с его идеализацией первобытного сознания, противопоставленного растленной цивилизации, был бунтом тогдашней революционной буржуазии и против злого безумия аристократической культуры, созданной в Европе тысячелетиями. Как бунт – сентиментализм был великим делом. Как бунт – «исходивший от буржуазии, он носил в себе всю ее дурную накипь. Как бунт – он вызывал социализм, который с тех пор, т.е. уже с конца запрошлого века, остается до нашего времени включительно, все развиваясь, разрастаясь,⁴ все глубже распространяясь своими подземными ветвями⁵ – общественной верой тех, кто в вопросах⁶ совести идет до конца, кто не принимает Мирского зла, неправедной и бессовестной жизни, безумия всех социальных, стало быть, нравственных противоречий, кто ищет гражданственности, основанной на всемирной и единственной правде.

Мы родимся уже по наследству испорченными и живем как ослепленные, непросвещенные или заколдованные: и привычками жизни, и самими понятиями, принятыми нами лишь потому, что детство и школа внущили нам этим привычки, а затем окружающая жизнь не подсказала нам понятий иных, чем общепринятые, нас околдовавшие с детских лет, или еще до рождения.

Мы вступаем в жизнь, окруженные веками. Мы привыкли называть их: «окружающими нас условиями», говорим о их законной власти над нами и предлагаем друг другу и нашим детям с ними поближе подружиться,

---

¹ Было: добро

² Было: положение

³ Вычеркнуто: пропитанные

⁴ Вычеркнуто: осложняясь, развеиваясь,

⁵ Вычеркнуто: в человеческой совести

⁶ Вычеркнуто: общественной

освоиться, приноровиться – «приспособиться». Так велика наша –не скажу, уступчивость или покорность, – но именно непробужденность, заколдованность.

До Р. Х. и долго спустя после, люди до того привыкли к рабству, к разделению на властителей и рабов, что первые христиане (хотя христианство было в отношении рабовладельческой души, несомненным революционным взрывом) не смущаясь, включали в⁷ мыслимую ими идеальную жизнь деление на властителей и рабов – как норму. Менее ста лет до нас, людьми торговали, как товаром, это называлось приличным⁸ именем крепостного права, и идеалистам приходилось, до поту и до слез, доказывать дельцам и обывателям, что людьми торговать нельзя.⁹ Века, века окружали людей, когда они жили инстинктами рабовладения и само-подчинения властям, державшим в своих руках зло и подчинявших ему подчинявшихся. Право – те же века знали не только рабство, но и возмущение против него.

Это возмущение было высказано в книге, которую с детства заучивали наизусть, об нем пелось в церквях, куда из поколения в поколение, люди послушно ходили по праздникам, и где так дико сплеталось благословение свободы и любви с благословением рабства и убийства. Что же это значило? Что творилось в смутном сознании людей? Что это была ослепленность, заколдованность, власть тайных сил, замораживающих¹⁰ совесть или вечная «глупость», злую «похвалу» которой слагала оскорбленная ею совесть, так безнадежно переживая «горе от ума».

Так¹¹ мы и жили – еще на днях – как не пробужденные, не расколдованные.¹² Наши прадеды вмешали в свое даже религиозное сознание рабовладение; кто не вмешал, был одинок¹³, и погибал в изнеможении, как¹⁴ Радищев. Два поколения тому назад возник бунт против войны – в совести Льва Толстого. Мы сейчас живем в историческую минуту, когда в нас не вмешается война – так, как она вмешалась сто лет тому назад. Трагизм нынешней войны для нас именно в невместимости ее в нашей совести, впервые пробужденной голосом Льва Толстого, о чем забывают в ослеплении, а не искусственно навеянной со стороны западно-европейской социальной идеологии, о чем любят говорить наши националисты для которых русская¹⁵ национальность там, где им хочется ее видеть, а не там, где она заявляет о себе сама.

⁷ Вычеркнуто: меримую

⁸ Вычеркнуто: юридическим

⁹ Далее вычеркнут фрагмент: Это было всего 70 лет тому назад. Наши бабушки и дедушки продавали и покупали людей, и их надо было убеждать, что это нельзя. Они были окружены веками. Веками проникнутыми, правда, не одними инстинктами рабовладения, но и возмущением против унижения человеческого.

¹⁰ Вычеркнуто: усыпляющих

¹¹ Вычеркнуто: и теперь мы живем

¹² Далее вычеркнуто: Всего три четыре поколения до нас

¹³ Вычеркнуто: или один из немногих, и часто

¹⁴ Вычеркнуто: погиб у нас в России

¹⁵ Вычеркнуто: потребность

Итак, мы окружены владеющими нами веками, в которых перемешаны, сплетены, – неразличимо в своих дремлющих до времени противоречиях – завязаны: умирающее прошлое и рождающееся будущее.

В общем ходе лет и столетий медленно пробуждает совесть, медленно движется работа человеческого просвещения. Морально – революция и есть пробуждение совести. Потому что есть приемлющие и неприемлющие революцию – не в сознании – глубже, радикальнее – в поступках, в мироощущении.

Для тех, кто довольствуется, кто убаюкивается властью мало подвижных веков, и сам отвердевает в так называяемой «окружающей жизни» - кто ценит в движении человеческой истории ее постепенность по преимуществу (не говоря уже о тех, кто на вес золота ценит каменную неподвижность); кто преклоняется успокоительно перед законом эволюции,¹⁶ - для тех – революция - болезнь вроде лихорадки, тифа или холеры (так и говорят: «революция явление болезненное»). Но для того, кто сознал или чувствительно ощущает тянувшую к неподвижности, власть веков, нас окружающих в каждом из понятий, которыми мы привыкли мыслить, в каждой мелочи знакомого нам быта, манеры общаться друг с другом, - и что самое ужасное! – в нашей примиренности с той ложью, которой полны наши отношения друг к другу и к самим себе; кто возмутился против лицемерных дел вокруг или внутри себя, против торжествующей глупости и пошлости,¹⁷ обманывающих нас соблазнами, порядка, права и даже справедливости, там где неправда взыывает к отмщению;¹⁸ кто сознал, что он живет среди соблазнов и обманов, взлелеянных веками, тот знает, что революция не болезнь, а гроза очищающая,¹⁹ человеческую волю – зовущая совесть к ответу перед правдой.

Тот не преклонится перед законом эволюции, - того историческая стремительность не смутит, для того революция победа над одурью веков, и над усыплением совести. Я верю, что революция глубоко связана с просвещением, что только она, расколдовывая сознание людей, направляет глаза к истине, что просвещение по существу своему сила революционная.

Известны слова Пушкина, сказанные про Петра:

Самодержавной рукой
Он смело сеял просвещение. –

---

¹⁶ Вычеркнуто: догматически перенеся его из мира природы в мир истории,

¹⁷ Вычеркнуто: самых ужасных из всех наших врагов, потому что они

¹⁸ Далее вычеркнуто: обманывают, искушая послушанием перед железной необходимостью или мудрым законом равновесия сил, кто восстает против этих обманов, соблазнов, искушений, которыми затягивают окружающие нас века в свою сонную одурь – те

¹⁹ Вычеркнуто: пробуждающая скованную веками

И это так – самодержавие и просвещение две вещи несовместимые. Разве примет расколдованная²⁰ совесть²¹ идею самодержавия?²² И самодержавие это знало. Оно всегда задерживало умственное развитие и не могло не задерживать; если оно «сеяло просвещение» – то не в народных массах, но лишь в, потребной для него государственных своих целей, знати; оно всегда боялось просвещения даже среди мелкого мещанства – и с полным основание для себя. Ведь великий Петр не заботился о школах для деревни, о народной грамотности. А если самодержавие и осмеливалось на грамотность народную, то рассчитывая на усыпленность народной мысли²³ церковными преданиями, которые²⁴ давно уже извратили христианскую революционную волю – подчинившие надобностям знати или дворянства. Там, в этой усыпленной среде самодержавными руками просвещение, действительно, сяялось *почти* безбоязненно.

Революция озаряет мысль, и пробуждает совесть, двигает волю, свергая власть отяжелевших веков.

Это первое и величайшее ее благодеяние для жизни человеческого сознания.

Открывая каждому отдельному человеку глаза на него самого, она открывает ему глаза на всех других, на весь мир – в новой правде, в правде движения, а не бездеятельности. Движения – не постепенного или по необходимости замедленного! Потому что никто никогда не доказал и надо думать не докажет, что историческая жизнь людей подвластна закону эволюции или постепенного видоизменения и тем более не докажет закона ее необходимого замедления. Напротив, – историческая воля выражается зачастую в таких событиях, которые дают повод сравнивать их с проявлениями стихийных сил, электрического и вулканической энергии, но и это только приблизительные уподобления. Жизнь²⁵ человеческих личностей и обществ есть средоточение, схватка, борьба и разряжение множества встречных сил – и законов – физиологических, экономических, моральных – и еще других, и других! – В этой схватке сил революция зажигает каждую отдельную личность. Она прежде всего индивидуалистична.

Революционизировать человека значит попросту пробудить в нем уважение к себе, сознание своего достоинства²⁶ своего живого права – на то, к чему это право по свободному выбору было бы предъявлено.

Оглянитесь сейчас вокруг, когда после долгого накопления революционной воли в отупевшем, в обмороченном веками сознании рабочих, крестьян, солдат она разразилась грозой, разве мы не видим озаренную совесть в явившемся чувстве собственного достоинства, уваженье

²⁰ Вычеркнуто: человеческая

²¹ Далее вычеркнуто: свергающая с себя власть вековых преданий и условностей

²² Было: идею царской власти

²³ Вычеркнуто: властью

²⁴ Вычеркнуто: как общественная сила подчиняла христианство, извращая его

²⁵ Было Историческая жизнь

²⁶ Вычеркнуто: своей воли

к себе – в каждом и взрослом и детском лице, в каждом рабочем, солдате, матросе. А если мы видим и грубость, и дикость, и неопрятность, а главное невежество – вините же себя, нежные, культурные, и изящные – вините и самодержавие за отсутствие несвойственной ему смелости,²⁷ всю власть веков, которая вас и самих придавила до того, что вы так мало заботились²⁸ о просвещении тех, кого вы²⁹ называли общим безличным именем народных масс или простонародья.³⁰ Совесть проснулась. Бурно и требовательно. – Требовательно, свергая власть мирского зла, мирно спавшего на одной постели под одним одеялом с не пробужденной совестью...

Второе великое благо революции – это то, что она есть пробуждение не одной индивидуальной воли, но и общественной.

Одно с другим здесь не только связано – но и тождественно. Совесть личная не совесть, если она не общественна. Реакция убаюкивала сознание людей в индивидуализме эстетствующем или³¹ морализирующем. Веками длилась и эта ложь, все революции отменяли ее. Восстания всегда выражались в союзах, в соединениях людей в группы, в классы, в партии – в вере, что сила людей в общественности. Реакция смотрела на каждое лицо как на отдельного обывателя, не связанного с другими, подданного одному из обывателей, высочайшему обывателю, заманивая в свои государственные и нравственные³² сети приманками индивидуализма – борьбой со стадностью, указаньями на самоценность каждой отдельной личности...

Таким-то коварством отличается³³ так называемая цивилизация, с которой борется человеческая совесть. Миновала бы, не удалась бы нам революция – затянула бы нас опять неподвижная, малоподвижная воля веков – уснет совесть и в сонной одури каждый будет думать лишь о себе, и превратимся опять в эстетствующих или нравственно-самосовершенствующих обывателей. Мы мало³⁴ заботились о просвещении, подчиняясь тяге реакции. Мы мало думали о детях вообще, мы были к ним пости глухи и слепы, потому что мы были глухи и слепы к себе и ко всему. Или эти слова кажутся клеветой, преувеличением, незаслуженным упреком? Разве мы не заботились об открытии школ, об учении и воспитании наших детей? Разве мы не участвовали в комитетах грамотности, не трудились в земстве и городских школах? Не жертвовали на народные университеты?

Однако русское просвещение одна из грустнейших страниц всемирной истории.

²⁷ Далее вычеркнуто: но вернее и сильнее всего

²⁸ Далее вычеркнуто: и сейчас так мало заботитесь

²⁹ Далее вычеркнуто: мало трудясь для них

³⁰ Далее вычеркнуто: и так легко говорите об анархии, где надо говорить о революционной энергии /воли о союзе / законе стремительности, а неизбежном зле? вне. Теперь – в историческом движении

³¹ Далее вычеркнуто: в индивидуализме моральном

³² Далее вычеркнуто: их теории программами индивидуализма

³³ Далее вычеркнуто: власть окружающих нас веков, которую свергает революция.

³⁴ Вычеркнуто: думали

Кто виноват? Я сказал, власть веков, обступивших нас в каждом усвоенном понятии, в каждой подробности нашей психологии и обихода.

— Реакция, малоподвижность, постепенность, застой. Мы поддавались этой минеральной или химической стихии, мы дышали ее воздухом и сами не замечали, как понемногу, незаметно для самих себя, задыхались, как не замечают этого населяющие большие города, что все они, что все мы, обречены, ни сегодня-завтра, задохнуться в спертом, прокоптелом воздухе густонаселенных человеческих обиталищ.

Мы сами не замечали, живя в реакции, дыша воздухом, до чего мы привыкли к казенщине и к схоластике, во всем как мы убивали педагогическими руками, самыми просвещенными и благожелательными, живую жизнь, замедляя детское дыхание и сердцебиение, погружали ее в сон или полудремоту — и радовались — (повторяю, самые просвещенные и смелые из нас) — когда удавалось воспитанием добиться умеренности и аккуратности, почти не задевая совести, когда удавалось обученьем³⁵ достигнуть полузнанья тридцати полуумных или вовсе ненужных предметов, едва задевая верхушки сознанья.

Поступали мы так или не поступали?

Или наша задача, действительно, заключалась в пробуждении совести³⁶? Но в ком же мы будили ее?

В тех ли, кто имел возможность учиться в дорого обставленной школе, с талантливыми учителями и артистическими воспитателями? Или в тех, кто обречен был учиться в пыльных казармах, называющихся классами? А что мы сделали для именуемых народными массами? Будем же искренни!.. Я не обвиняю. Это было бы смешно и ненужно. Нас затягивала власть веков. Теперь мы ее свергаем. Спешу оговориться — не мы, а те, кого мы почти не учили, или по крайней мере, с их помощью. Мы привыкли, говоря о них — о народе, к нашим установившимся, затверделым понятиям и обычаям, что нельзя устать благословлять революцию за ее очистительное дыхание.

Мы не замечали, как мы привыкли к делению школ на народные и не народные. Нас тешило наше сонное сознание удовлетворялось тем, что народных школ открывают в некоторых местностях больше, чем в других, что они все более расширяют свои программы и пр. пр. Мы создавали комиссию за комиссией по средней школе — всячески изощряясь в ее усовершенствовании и можно сказать — стилизации, говорили об ее национальном и заимствованном характере, о ее образовательных разновидностях, доступе из них в университеты, отлично понимая, что средняя школа есть начальная же школа для буржуазии, которая перейдя в университеты, по окончании их получала чин коллежского регистратора или губернского секретаря, в зависимости от прилежания — формируя мелкую аристократию образовательного ценза.

---

³⁵ Вычеркнуто: добиться

³⁶ Вычеркнуто: и сознания

³⁷Революционная совесть спала в этих реформах непробудно, но просвещенная реакция, желая убедить в обратном, проявила заботу о том, чтобы средняя школа стала, *действительно, средней между начальной и высшей*; для этого предстояло уравнять типы школ с тем, чтобы из низшей можно было бы перейти в школу высшего разряда и т. д. Если бы я не знал, что в этих чиновничьих заботах оказались минеральная власть окружающих нас веков, я бы назвал эту суету просвещенной реакции – лицемерием. Только революция могла озарить и пробудить, – и озарила и пробудила – наше педагогическое сознание. Восставшая демократия неудержимо вызывает школу, отвечающую достоинству народного восстания и смыслу революции. Вызывает и образование, свергающее привычки и понятия двух многовековых слоев – аристократических и буржуазных культур. В основу новой педагогии ложится прежде всего задача не устающего пробуждения совести. Что это значит? Не хотим ли мы мора³⁸лизировать и докучать нотациями. Нет, мы хотим будить³⁸ общественную волю. Первая русская революционная книга «Путешествие» романика Радищева начинается такими словами – которые и надо признать формулой общественности:

«Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что действия человека происходят от человека и часто от того только, что он *взирает непрямо* на окружающие его предметы. Ужели, вещал я сам себе, природа только скуча³⁹ была к своим чадам, что он блудящего невинно сокрыла истину на веки. Ужели сия грозная мачеха произвела нас для того, чтобы чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой вострепетал о сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. «*Отыми завесу от очей природного чувствования и блажен буду*» Сей глас природы раздавался громко в сомнении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание, я ощущил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению, – и веселье неизреченное! – я почувствовал, что возможно вся кому соучастником быть в благодействии себе подобных»...

Пробуждающаяся человеческая совесть – мыслил старый романтизм – переживает страдание от сознания зла. Это первый крик революционной воли. Пробудившись – она дает надежду на спасение: судьба людей в руках людей. Это уже революционная вера. Во что – в какую цель? «Блаженство – а не бедствия».⁴⁰ Какой же путь? Отыми завесу – взгляни прямо – т. е. просвещение, прояснение сознания. В чем же его ясность – или в чем закон революционной воли?

«Всякий может быть соучастником в благодействии себе подобных». Здесь вся полнота исторического бытия людей. Итак, не морализование и

---

³⁷ В начале абзаца вычеркнуто: Если бы совесть не спала – так бы и мыслили, но

³⁸ Вычеркнуто: революционную

³⁹ Вычеркнуто: ко всем людям

⁴⁰ Далее вычеркнуто: - революционная цель.

не нотации – даст демократическая школа. Но сбрасывая все «завесы» – образованием – освободить совесть, проясняя сознание. Зачем морализировать, когда знание само по себе просвещает совесть; пробудив ее от сна, указывает на страданья, но обещая победу, дает орудие победы – участие в общественной работе. Таков был⁴¹ романтизм людей, живших в эпоху первой величественной революции – он был рационалистичен, т. е. проникнут верой в силу знанья – самого по себе.

Без этого верования нет революции, нет школы. Можно⁴² спорить о характере того или иного типа знанья, о методах его⁴³ усвоения – о той или иной школьной системе.

Но и сам отрицатель⁴⁴ наук, оклеветавший знанье перед нравственностью – Жан Жак Руссо страстно защищал образование – того или иного характера, который он хотел предать ему как делу жизненному.

И отрицая школу, он отрицает лишь рутину и вызывал школу новую, живущую и свободную. И он, значит, верил в освобождающую силу знанья. Он отрицал – власть веков, зла и смерти, и будил совесть педагогическую и общественную одновременно. С этих пор они соединились не разлучимо.

Радищев ученик Руссо. Все социалисты – его ученики. Социализм заключает в себе⁴⁵ волю и общественно-государственную, и общественно-педагогическую.

Как государственная⁴⁶ воля – социализм не может не стоять перед волей к общественному воспитанию.

Социализм как государственная⁴⁷ воля – есть⁴⁸ воля, раскрепощающая народное и рабочее сознание от власти веков. В этом должен заключаться и его педагогический принцип. – «Отыми завесу от глаз природного чувствования и блажен буду...».⁴⁹ Это самая страстная и мудрая в своем простодушии вера в образование.

Стоит отнять завесу – таков педагогический инстинкт социализма – бороться с обмрачивающей нас ложью, знать о мире и жизни действительную правду – ту, какая человеку только может быть открыта. Какое же может быть другое знание? Однако веками держащие в своих руках общественное зло лгали детям своим и чужим, и вместо правды о мире и жизни, говорили неправду или полуправду. И понятно: действительная правда – есть правда открывающая человеку сознание зла, но в то же время обещающая ему несомнительную над нами победу, если он примет участие в

---

⁴¹ Далее вычеркнуто: революционный

⁴² Вычеркнуто: скрыто

⁴³ Далее вычеркнуто: давления, в зависимости от того

⁴⁴ Вычеркнуто: знанья

⁴⁵ Вычеркнуто: идею

⁴⁶ Вычеркнуто: идея

⁴⁷ Вычеркнуто: идея

⁴⁸ То же.

⁴⁹ Далее вычеркнуто: Только отнять завесу. Эта самая страстная вера в образовании, которая и высказана в этих двух словах с такой простодушной силой.

борьбе с держащими зло. Так *пробуждает совесть* – Но как *утверждается революционная вера?* – Вера в торжество не мирового страданья, а всемирного блаженства, как выразился наш⁵⁰ романтик? Эту веру должна дать школа и не может не дать, если она сама верит в счастье, как – окончательную цель исторической воли.

Казарменно-монастырскому быту буржуазно-демократической культуры соответствовала замкнутая в плenу у стен и дверей, муштрующая внутренне и внешне, мертвая школа. Свободно-рабочему быту грядущей демократической культуры должна соответствовать живая школа, свободно рабочая.

Она должна поддержать чувство детской радости и юношеской силы – в труде и знании неразрывных среди неизвращенных методов обучения, не исключительно книжных, неподвижных, усыпляющих, но волнующих любознательность в отношении мира и природы, и мира, творимого человеческими усилиями. Так образование должно открывать⁵¹ сердцам мальчиков и девочек, юношей и девушек, всю полноту мирового вообще и в частности человеческого бытия. Они должны стать требовательны ко всему миру как к самим себе. И главное⁵² ощущив, что знанье открывая страданье, открывает и радость. Волшебную радость удивительной природы, к которой мы слишком привыкли, чтобы удивляться ей – в каждой ее тончайшей красоте, но и заключенное в ней зло, которое есть основа зла человеческого, и наконец глубочайшую уверенность, что зло будет побеждено работой людей, что работа сама по себе есть радость и что она обещает победное счастье в конце всех усилий рабочей народной правды.

Работа должна быть сознана в демократической школе не как тягость, но как окрывающее волю, ею самой добровольно принятное, условие и личного, и общественного блага, и как⁵³ единственный способ приобретения действительного знанья.

Отсюда ясно, что грядущая школа заменит принудительность свободным стремлением, которое знает себе цену, потому что знает, что им приобретается. Я произношу сейчас не отвлеченные слова. Много лет воспитывая и обучая мальчиков и девочек, я не разу не усомнился в истине этого педагогического закона – свободно-рабочая воля детей достигает всего: она будит совесть, дышит бодро, и приносит им подлинное знанье.⁵⁴ И ничего кроме призрачного знанья не достигается принудительно.

Воспитание и обучение должны быть слиты в понятии: образование, и одно от другого не⁵⁵ должны различаться. Обученье и есть уже воспитание, если оно не обманывает или полу обманывает призраками знанья, если оно

---

⁵⁰ Вычеркнуто: революционный

⁵¹ Вычеркнуто: сознанью

⁵² Вычеркнуто: увидеть/знать

⁵³ Вычеркнуто: общественный

⁵⁴ Далее вычеркнуто: «снимая завесу с очей природного чувствования».

⁵⁵ Вычеркнуто: могут

открывает правду о мире,⁵⁶ вызывая деятельное⁵⁷ сознание детей. Воспитание есть лишь помочь взрослых детям проявить эту рабочую волю (не в свете, как говорилось еще недавно) в достижении знания.

Педагогу не надо даже слишком заботиться о том, чтобы эта воля сказалась как можно общественнее, как думают те, кто имел дел с детьми богатых и избалованных индивидуализмом людей. Общественная⁵⁸ совесть всем дана в возможности. Лишь «отыщем завесу – с очей». Дадим волю, – только немного поможем не слишком обременяющим опытом взрослых людей и их установленных – в веках и даже в тысячелетиях обычаев. Чем демократичнее детская среда, тем⁵⁹ бодрость детей свободнее, и работоспособнее, и общественнее – в своей возможности.

Школа не может больше быть казармой или ящиком, в который запихивают на несколько часов, а то и на полдня, детей – для обучения всему, что им будет приказано выучить за классным ст^олом, наклоняясь над книгой или тетрадкой!..

Однако весь ужас детской и отроческой жизни, запертой в таком ящике, был не в том еще, что дети были скучены на определенный срок в одном месте; и даже не в том, что такой школьный ящик был путем к знанию. Скученность жизни в ящиках, называемых домами в грудах ящиков, которые называется городами – быть может это условия и фатальные – непрекаемый закон неодолимых сил. Пусть так! (хотя я никогда в это не поверю), – ужас не в скученности и не в распределении детей по ящикам, но в том, что эти условия принимались как *механическая неизбежность*.

Цивилизованные люди, живущие в городах и домах, – и школы строят там же. Последнее есть следствие первого. Может быть, во имя детской радости, ее прав и правды, мы наконец, когда-нибудь, возмутимся против жизни в ящиках, нагруженных на ящики, среди груды таких же груд, – вынесем школы за города, чтобы они грозили городам не засыпающей революционной совестью, радостью детей, которая за стенами городов будет звать взрослых к ответу за будущую судьбу людей! Может быть, близка эта возможность отъезда школ из городов навсегда, без возврата, так чтобы в города, если им суждено стоять неколебимо, не останется ни одной школы. Но кажется, еще надолго школы будут находиться и в городах. И во всяком случае – в городах, за городами и в деревнях дети будут соединяться для образования;⁶⁰ вместе, будут вместе в школах. И это должно быть. Нельзя поддерживать образование частное домашнее. С грядущим народным строем и бытом индивидуальное образование не совместимо, противоречит демократическому быту, требующему *соединения людей – с ранних лет – в группы*.

---

⁵⁶ Далее вычеркнуто: и открывает ее не отвлеченно, не книжно, а

⁵⁷ Вычеркнуто: волю

⁵⁸ Вычеркнуто: воля

⁵⁹ Вычеркнуто: воля

⁶⁰ Далее вычеркнуто: скажу – для пробуждения совести,

Но демократия хочет школы, *прежде всего, пробуждающей совесть*, значит она хочет *школы общественного воспитания*, – вот почему, нет ничего более противоположного душе демократической культуры, как механическая скученность детей в школьных комнатах. *Дети собраны, – стало быть они уже общество*, а не толпа. Мы сейчас сердимся, когда общество людей оказывается толпой. Однако мы это усердно веками возвращали. Демократическая школа не будет смотреть на собравшихся в школу детей как на детскую *толпу*, она примет их как детское *общество* и будет образовывать, воспитывая и обучая, и каждого в отдельности и всех вместе – не механизируя, – но помогая *организоваться*, проявиться *самоорганизующей воле детей*. Так социальная педагогия станет основанием новой гражданственности – революционной.

Одно из общеизвестных определений революции то, что она *ломает перегородки*. И это верно. В этом отношении ее так боятся постепеновцы, эволюционисты. И в своей боязни всегда высказывают опасение: легко разрушить – трудно строить. Строительство и творческая работа в отношении самих себя, разрушительство в отношении революционного социализма – излюбленные обороты их речи.

В этом разграничении – вся их вера в творческую стихию человеческого существа, и личного, и общественного.

Только «снимите завесу с очей» – свергните власть веков, сломайте перегородки, предоставьте творческой совести сказаться, дайте волю работе радости, открывая им глаза на мир, – одной рукой не открывайте, другой не закрывайте, преодолейте сами в себе страх перед революционной правдой! Не считайте ее болезнью! А то и детство придется считать болезнью. – Разве в средние века не думали, что детскую волю надо подавлять?

Та же Мудрость, которая сказала, что мир лежит во зле, сказала, что дети правее нас. Воле детей надо только помочь организоваться. Поможем же детям преодолеть гнетущую власть веков. Здесь в большем числе случаев достаточно – именно *не мешать*, как убеждал уже Руссо. Так будет в школе демократической, потому что будущая школа безвозвратно разобьет все сословные перегородки.

Я представляю себе так устройство школ начальных, средних, высших, исходя из того, что мальчики и девочки, юноши и девушки учатся в школе с ранних лет. Я настаиваю на том, чтобы детей не воспитывали индивидуально, каждого в отдельности. Семьи, где она дочь или сын, – словно бы не исполненные семьи, словно бы зародыш семьи. Буржуазно-демократическая культура любила проповедовать домашнее воспитание. Детей надо соединять, потому что они сами этого хотят, сами любят это, потому что человек один, взрослый или в детстве, все равно, – существо оторванное, брошенное. Пусть перестанут соблазняться горделивыми выкриками, кого они еще соблазняют, что только одинокий человек есть

истинно сильный человек и также⁶¹ грубой отповедью, что религия человека или что бы то ни было в его судьбе – есть частное дело.

Пора поверить в общественность не только как в закон, но и в праведность человеческого бытия, и соединять детей в школы, едва им придет время учится, также как до того они соединялись для игр. Они собирались для игр в саду, в лесу или в поле – что же можно возразить против того, чтобы они здесь и учились? Рассеяние внимания? В школе, где внимание не мертвое, а живо, где работа памяти, мышления и воображения совершается, во-первых, неподневольно, а, во вторых, не только внутри сознания, но проявляется и в ручной работе, там рассеяния внимания боятся нечего, там школе в саду или на поле могут помешать лишь стихии равнодушной природы. Но если школа сосредоточена и в стенах дома; в городе или в деревне, – *дети должны любить школу во что бы то ни стало*. Революция не приемлет принудительно нелюбимого знания. Где знанье оказывается принудительным и нелюбимым, там не пробуждена совесть, там она спит – реакционным сном. Вы не поймете меня, – я верю, – что я возражаю этим против обязательного обучения. Но я думаю, что сама эта формула могла возникнуть в результате такой задавленности народа, что он потерял даже неодолимую потребность в знании.

Уже собираясь для игры, в первые дошкольные годы, дети привыкают быть организованным обществом, особенно, если их не дезорганизуют взрослые, а напротив, не насилия младенческой души, помогают группироваться в порядке, который требуется самой игрой.

Отданные рано учатся в школу, т.е. в те годы, когда только можно начать учит грамоте – дети рано приучаются не только организовываться, но организовываться с рабочей целью. Чем более они растут и развиваются, тем сознательнее относятся к тому, что их работа есть работа образования, а педагогия (не мудрая, но просто сколько-нибудь разумная) рано приведет их к убеждению, что нет образования, где нет самообразования, также нет воспитания, где нет самовоспитания, и что и тог, и другое целесообразнее всего, вернее всего – интереснее всего и нравственнее вместе с тем, достигается соединенными усилиями товарищеской, классной или целой общешкольной группой учеников и учениц, где все вместе помогают друг другу, друг друга во всех отношениях взаимно – поддерживая и направляя, к одной общей цели.

В таком легком и вольном воздухе товарищеской общины – образовательный труд будет радостью, а не тягостью, будет пробуждать, а не усыплять совесть и воспитывать общественную волю.

Притом школа должна помогать детям организовывать не только образовательный труд, но и веселье. Игры не должны останавливаться на пороге школы грамотности. Кроме игр на дворе и в стенах, школьникам, полюбившим школу и друг друга, не может не захотеться устраивать вечеринки, спектакли, литературные и музыкальные вечера – именно в школе

---

⁶¹ Вычеркнуто: лицемерной

и на школьном дворе или, сговорившись, вместе пойти в театр, музей, на выставку или съездить за город. Демократическая школа не будет смотреть на такие занятия как на баловство. Казалось бы этого не надо и подсказывать, а между тем, искренно сознавшись сами перед собой, самые просвещенные из нынешних педагогов, разве не считают их баловством по сравнению с солидной книжной *учебой* за классной партой.

Тяжесть веков – отвердевших обычаев и понятий – сильнее властвует нами, чем мы это сами о себе думаем. Экскурсии, например, которые⁶² введены были двадцать лет тому назад в обиход русского школьного быта – стали теперь повсюду общим местом. Об них везде передовая педагогия заявляет, как о достигнутом методическом идеале, и все-таки экскурсии, если отвлеченно и сознаются, то инстинктивно мало кем из педагоговщаются, – как *первый метод образованья*, а не дополнительное развлечение – чтобы не отстать от духа времени.

Века поседелые веют в привычной картине мальчика, склонившегося в три погибели над книгой, веют и соблазняют типом прилежного и трудолюбивого ученика. Этот тип окаменел в монастырях и казармах, и как камень давит на наше сознание. И если бы не революция «снимающая завесу с очей» сколько веков понадобилось бы еще для человеческой глупости и традиционности, чтобы вытеснить этот тип добродетельного Чичикова, не подымающего головы над столом, типом экскурсирующего ученика, с дорожной котомкой через плечо, – с чувством свободы в душе, с веселой песней в устах, – идущего в толпе товарищей-экскурсантов. Революция ломает все перегородки – и слава Богу. Пусть же она прежде всего не обуславливает никакого педагогического единобразия. *Начальная школа*, которая примет детей с первого года обучения грамоте и доведет до тех лет, когда уже не детство, а отрочество, переходя к юности, сознает свои и силы и стремления, – начальная школа, которую мальчики и девочки будут проходить приблизительно с семи до пятнадцати лет, по свойству еще малосознательного возраста – тем самым уже будет в большинстве случаев единообразно-общеобразовательной. Это первые 8 лет образовательного труда и детского веселья в *товарищеской общине*, под руководством тех, кто верит в революционную силу знания, любит детей, когда они и трудятся, и веселятся, и умеет помочь им организоваться и для того, и для другого. (на самом деле, не заменить ли нам давящее слова *школа*, связанное с скучнейшим из исторических названий, схоластикой, – другим: *детская община*?). Восьмилетняя *детская община* сделала свое дело – она дала основы общего образования, – и обучения, и воспитания.

Мальчику или девочке 14–15 лет. Углубленное, последовательное академическое образование, в университете или в специальных институтах – для них еще недоступно, но потребность знания выросла и определилась индивидуально.

---

⁶² Далее вычеркнуто: Тенишевское училище ввело впервые когда то

В старину в эти годы открывались двери университета. В течение последнего столетия университет отодвинулся раздвижением средней школы, которая и представляла собой в нашу эпоху семи-восьми и даже девятилетнюю учебную казарму, где юноши и девушки до последнего дня пребывания в ней подчинялись дисциплине первых учебных лет, с 10 – до 17-летнего возраста без изменения. Тоже расписание уроков с 9 до 3 часов, те же звонки в класс и из класса, те же малые и большие перемены, то же сиденье на местах и вставанье с места при входе преподавателей, те же парты, тетради, вопросы учителя и ответы ученика, то же беспомощное блуждание в перемены – по залам.

Ученики и ученицы старели в такой школе, даже физически. Поступив безусыми мальчиками, выходили бородатыми обывателями, девочки превращались в девушек; иногда, не кончая гимназии, выходили замуж в 6 или 7 классе. Самые вольные, самые крылатые годы были стиснуты казарменной многопредметной рутиной – гимназий, реальных, коммерческих и т. п. училищ.

Разницы мало – насилие над жизнью тоже.

Одаренные и независимые души в старших классах отбивались от школы, учились спустя рукава, уходя в другие интересы на стороне, и умственные, и общественные, которые нисколько не утолялись в классах. Тупые и мелкие души – играли в карты и пьянистовали, потому что, стиснув молодость, – гимназия не приучала⁶³ или к рабству или разнозданность. Все это не давно прошедшие времена, а наша современность, и надо быть правдивым, современность не только казенная.

В самых заботливых и интеллигентных частных гимназиях – не так безотрадно, и не дойдет до загрязненья, – но крылья связаны, силы вянут, потому что им не дано ни выбора, ни полета в жизнь.

Чем интеллигентнее такие частные школы, тем безнадежнее вид поникающей, увядающей молодости, попустому удержаных сил. Десять лет тому назад мне пришлось безнадежно взывать в различных педагогических собраниях о том, чтобы по крайней мере создали в старших классах гимназии факультеты. Министру Игнатьеву подсказали эту возможность, и он ее принял в проекте.

С тех пор прошли годы...

И тем лучше! Факультеты в гимназиях это только переделка старой негодной квартиры, в надежде, что от новой перегородки квартира станет удобнее.

Революция ломает перегородки...

Пора же наконец сказать, и как можно решительнее, что этот Карфаген должен быть разрушен.

Пора отнять от средней школы, которая должна превратиться в начальную для всей демократии и сельской, и городской, и столичной, пора отнять у нее старшие классы даже тогда, когда они преобразятся из казармы

---

⁶³ Далее вычеркнуто: ни к чему кроме схоластики.

в детскую общину – отнять с тем, чтобы отдать их молодости. Пусть ею распорядится сама жизнь! Я хочу этим сказать: пусть старшие классы гимназий, реальных технических и всяких других училищ – обратятся в омоложенные *университеты* и институты – которые ничуть не помешают тому, чтобы после них углубить свое образование в высших академического типа университетах и институтах.

Создадим *дома юности*, о которых мечтают сами юноши – взамен убивающей молодость схоластической учебы старших гимназических классов! Пусть этих домов будет много – разнообразнейших типов и методов, только бы победило движение, только бы преодолеть и в сознании, и в воле власть постылых веков, тянувших души к реакции и к смерти, – тогда молодость сама скажет, чего она хочет. Для всяких образовательных стремлений и желаний найдутся целесообразные методы. Найдутся!.. Не все ли равно, чему именно учится и в каких предметных комбинациях? Творящая революционная воля будет создавать все новые и новые жизни! Дома юности должны продолжать жизнь мальчиков и девочек, начатую в детских общинах – как уже сознательный рабочий союз юношеских сил, направленный к самообразованности и к самовоспитанию. Им читаются по утрам и вечера лекции, как в университете, они работают в семинариях и лабораториях, самостоятельно советуясь с лектором, организуют посещения заводов, музеев, театров, прогулки, поездки, игры. Они имеют самоуправление, учреждают клубы, устраивают кружки, вечеринки, библиотеки.

Они самостоятельны, и лишь руководимы. Никто насилино не подчиняет их никакой внешней указке. Огни сами вырабатывают для себя по соглашению со своими руководителями, уставы и инструкции, подчиняясь и в своей образовательно-рабочей жизни, и в своем товарищеском времяпрепровождении – сознанной самими необходимости. Такие дома юности – лучше скажу, общины юности – могли бы иметь и общеобразовательные и профессиональные отделения, могли бы создаваться как самостоятельные, разнообразные по множеству типов – школы, трех, четырех годичные, в зависимости от целей, которые они бы себе поставили и подбира⁶⁴ научных курсов.

Здесь не было бы дисциплинарного режима, ни принудительности классного преподавания, ни много предметности – одного из ужаснейших давлений культурных веков.

Молодости была бы открыта воля к знанию, к жизни – к вере в себя и в свою силу.

А там дальше университет или высшее техническое образование – кому какое потребно, и *всем* свободный доступ в них из общин юности всех типов и оттенков, и как можно больше детских садов внизу и народных университетов вверху!

---

⁶⁴ Вычеркнуто: учебных

Разрушим же постыднейший из Карфагенов, затвердевшую мертвую педагогию; свергнем власть веков, убивающих детство и молодость, расколдуем нашу совесть, – и да здравствует революция

Владимир Гиппиус.